

Евгений Ямбург: Боящийся не совершенен в любви

Директор школы № 109 предлагает простые на словах и трудные на деле рецепты

Для сохранения нашего представления о культуре каждому нормальному человеку надо в первую очередь не забывать, что это самое главное. Несмотря ни на какие искушения.

Знаете анекдот про детей цыган: чем старых отмыть, легче новых родить. В России давно потеряно доверие к слову. Врали, врем, продолжаем врать. А ничего не надо говорить. В педагогике я верю в эффект соленого огурца. Чем гуще рассол, тем лучше. Чем больше дети видят нормальных, вменяемых людей, у которых в глазах не блеск баксов, а азарт от невыгодной, но любимой работы, тем больше шанс, что из них выйдет толк.

Огромная трагедия сегодняшнего дня — мы не готовим людей XXI века. XXI век будет еще более жестокий, чем XX. С новыми вызовами и угрозами справится только свободный человек. Раб не справится. Мы не выживем, если не будем заниматься координированным ростом свободы и ответственности личности. Это два ведра на коромысле, в которых мы вольны расплескать или сохранить библейское: боящийся не совершенен в любви. Перед лицом грядущих испытаний потребуются люди свободные, но при этом способные к самоограничению и аскезе. Это важнейшие, базовые понятия свободы, как ни странно. Жизнь будет все тяжелее и тяжелее. Тяжелая жизнь надолго. Терроризм надолго. Демографический сдвиг надолго. Конфликт ислама и христианства надолго. Нужен человек, способный на эти вызовы ответить. Человек, боящийся ответственности, с ними не справится.

Моя задача — воспитывать свободных людей, понимающих, что море сложных современных проблем не имеет простых решений. Цель педагогики — расширение пространства внутренней свободы.

Мне было страшно интересно, как эта внутренняя свобода проявила себя в реакции на провокацию современным искусством. У нас в школе идет выставка «Спальный район. Остановка «Школа». Среди прочего художники подвергли десакрализации святых кабинета литературы. Ивану Крылову пририсовали пятачок, Пушкину — рога. Произошел взрыв... Дети написали на доске: «Это стыдно. Это не искусство, это г...о».

Учителя прибежали в шоке: «Ямбург, что делать?»

А будем разговаривать.

Я понимаю вас, охраняющих сакральное пространство культуры. Но ловите момент — в кой-то век не вы, а школьники в роли защитников культуры. Вытаскивайте из этой подарочной ситуации всю пользу: предложите им написать эссе: «Почему вы считаете, что это не искусство?»

А потом пошел ругаться к художникам: «Ребята, ваше искусство провокативно, но вы находитесь на суверенной территории школы. Ко мне подходят родители: «Почему пяти-, шестиклассники должны на эту гадость смотреть?» Родители имеют право на этот вопрос». Где грань допустимой провокативности искусством в школе? Одно дело — «Винзавод». Маленькие дети не могут подняться до высот абстракции. У них еще не сформировались лобные доли мозга, которые отвечают за абстрактное мышление. В итоге принято решение: пятые и шестые классы в период выставки в «десакрализованном» классе не занимаются.

Охраняя нежный возраст, мне важно, чтобы мозги у всех развивались — и у детей, и у учителей, и у искусствоведов. А я всех свел, поспорил, помирил и наблюдаю за процессом познания.

На данную нам всем систему образования многие списывают свою пассивность. Был такой сборник «Вехи», и там была фраза: «Обвинять во всех случаях жизни начальство и обстоятельства жизни есть умственная и нравственная лень, рудимент рабской психологии». Все предельно ясно, правда?

Воспитывать ответственного и свободного человека приходится при огромном сопротивлении, потому что люди, которые чувствуют будущее, являются инородным телом. Эти люди — не фантасты! Культурологи, педагоги. Их задачи — не маниловщина: ах, как хочется, чтобы все были культурными. Но если мы не дадим запас культурной гибкости и прочности нынешним школьникам, Россия будет дезинтегрирована.

Как мне недавно сказал один священник-старообрядец: «У меня такое ощущение, что

нас вот-вот захлестнет гигантская волна цунами. Пока море отхлынуло, а мы на огромном пляже грыземся между собой из-за того, кто где поставит лежанку». Я с ним полностью согласен.

Моя позиция: дети ни в чем не виноваты. Во всем виноваты запутавшиеся взрослые. Современный подросток в среднем читает 4 книги в год. Кто виноват? Взрослые. Как изменить положение дел? Надо поставить ребенка в позицию рельсоукладчика. В коридоре школы висят детские работы по «Мертвым душам» Гоголя. Просто прочитать Гоголя — не прочитают. А если есть задача выразить себя, выбрать сюжет, нарисовать его? Вот это я и называю позицией рельсоукладчика.

Или делали спектакль об Окуджаве. Его тогда как раз из партии выгоняли. Материала никакого не было, объезжали друзей: Левитанского, Эйдельмана. Это была колоссальная пропитка детей! Они собирали интервью, сообща писали сценарий. На премьеру приехали Окуджава и Гердт... Тем девочкам и мальчикам сейчас 45—47, их дети учатся у меня.

Я педагог и не имею права на пессимизм. Хотим ли, нет, все равно живем по лозунгу тамплиеров: «Делай, что должно, и пусть будет что будет». Александр Мень говорил: «Россию может спасти только чудо, но в чудо я верю». И Пастернак говорил: «Дважды два, конечно, четы-

ре, но если бы это было верно, Россия Великую Отечественную никогда бы не выиграла».

Готовы ли наши школьники к непредсказуемым последствиям образованности? Думаю, да. Они, безусловно, должны знать: умножающий знания умножает скорбь. Умному жить больнее, чем глупцу. Но, с другой стороны, и счастливее. Ко мне приходят бывшие ученики, многие успешны. Я для них как сельский священник, мне можно признаться: жизнь проходит от сделки до сделки. А между ними — ничего. С одной стороны, на тонком человеке шкура горит, и он хамства не терпит. А с другой стороны, если он имеет контакт с собственной глубиной, он счастливее любых богатых. Но много ли таких тонких и глубоких людей вырастет, если старшеклассникам действительно оставят только четыре обязательных предмета, а литература, история, математика, физика — по выбору? Какое «Сколково», какая модернизация?

Дискурс наш довольно опасный. Я 35 лет строю школу. Не революционер — учитель. И понимаю страх египетский тех, кто сегодня является элитой: да, существует реальная опасность дезинтеграции России. Но — еще раз повторяю — боящийся не совершенен в любви. Ответом на все реальные угрозы может стать исключительно серьезная, масштабная мобилизация всех культурных ресурсов. Мир во зле лежит, но свет во тьме светит, и тьма его не объемлет.